

щую картину советских социалингвистических исследований. В своей Библиографии они смогли охватить не только книги и статьи из ведущих лингвистических журналов, но и самые различные публикации, увидевшие свет в сборниках научных трудов институтов и университетов. Определенную помощь при этом им оказали общие библиографии по славистике и языкознанию, библиографические бюллетени, издающиеся в различных странах (СССР, ЧССР, СФРЮ, Нидерланды, ФРГ и т. д.).

Хотя рецензируемая работа и называется «комментированной библиографией», это не следует понимать в том смысле, что библиографическая статья всегда содержит аннотацию содержания данной публикации. Такие комментарии (не более одного предложения) имеются лишь в отдельных случаях, а именно, когда название работы никак не указывает на ее содержание или направление. Во всех остальных библиографических статьях приводятся только данные по обычной схеме: автор, название работы, место и год издания и др. Способом опосредованного комментирования характера публикаций является расположение их в корпусе Библиографии по принадлежности к одной из 158 тематических групп, которые, в свою очередь, распределены по шести основным разделам, упоминавшимся выше. Так, порядковый номер 3128, под которым приводится работа Г. В. Степанова «Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки» (далее следуют выходные данные публикации), содержащийся на с. 287 Библиографии, на основании «Оглавления» позволяет заключить, что данная публикация включена в тематическую группу «Форма существования языка», входящую в раздел «Язык и социальная структура». Таким образом, данная классификация работы становится способом ее комментирования.

В связи с систематизацией библиографической картотеки следует высказать несколько замечаний. Вызывает сомнение целесообразность включения таких тематических групп, как «Норма, нормализация языка», «Возникновение и разви-

тие стандартных языков», «Общая и сравнительная типология стандартных языков», «Культура речи», «Языковые контакты и языковые союзы», «Билингвизм» и др. в раздел «Идеология, политика и язык». С большим основанием эти тематические группы могли бы быть включены в раздел «Язык и культура», который, кстати заметим, оказался тематически не развернутым: здесь приводятся лишь четыре тематические группы — «Общие взаимоотношения (в том числе семиотика, вербально-невербальная коммуникация, страноведческая проблематика изучения языка и др.); «Отражение культурных и технических процессов в развитии языка»; «Научно-техническая революция и язык»; «Язык как фактор культуры». Возможно, следовало на основе упомянутых и других подобных тематических групп создать самостоятельный библиографический раздел.

Авторы не претендуют на то, чтобы считать свою Библиографию абсолютно полной. Они признают, что не могли этого сделать и не стремились к этому. Однако следует с уверенностью сказать, что она достаточно полна для того, чтобы служить надежным справочником для всех, кто занимается изучением языка как общественного явления, кто исследует вопросы связи языка и общества, различные аспекты социологии языка. Отныне мы располагаем уникальным библиографическим справочником, отражающим одновременно историю и развитие социалингвистических исследований вплоть до наших дней.

Десницкая А. В., Домашнев А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brang P. Zur Situation und den Aufgaben einer soziolinguistischen Erforschung der slavischen Literatur.— In: Schweizerische Beiträge zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev. September 1983. Bern, 1983, S. 8—9.
2. Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики.— ИЯШ, 1972, № 4, с. 3.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. — М.: Наука, 1982. 155 с.

Известно, что ни одна из других грамматических категорий славянских и неславянских языков не была объектом такого внимания лингвистов, как категория вида. Сложность и своеобразие этого языкового явления породили необычайное разнообразие точек зрения на его природу и сущность, неослабевающий интерес к аспектологической проблематике и вместе с тем весьма сложную и запутанную ситуацию в аспектологии в целом. Исследование М. Я. Гловинской представляет собой попытку отыскать и использовать новые пути в описании инвариантов совершенного (СВ) и несо-

вершенного вида (НСВ)¹ в русском языке, внести ряд усовершенствований в теорию и практику аспектологического описания.

Рецензируемая книга состоит из Предисловия и четырех, соразмерных относительно друг друга глав; в конце работы помещен Указатель упоминаемых в изложении глаголов и отглагольных существительных. В I главе дается кри-

¹ Сокращениями СВ и НСВ ниже заменяются соответствующие полные выражения также и в цитатах из рецензируемой книги.

тический обзор основных точек зрения на вид, характеризуется сутью выдвигаемого «смыслового» (противопоставляемого традиционному) подхода к изучению видов, формулируются принципы и задачи, характеризуются материал и методы исследования. Во II главе обсуждается ряд семантических проблем: 1) видовое и лексическое значение в глаголе, 2) статус потенциального и других модальных значений видов, 3) значение вида и контекст. III глава посвящена изложению вопроса, давшего название книге в целом, — вопроса о семантических типах видового противопоставления; в этой главе реализуются заявленные ранее принципы смыслового подхода, а также излагаются теоретические выводы, полученные из рассмотрения материала. В IV главе, содержательно не мотивированной предыдущими тремя главами, дается характеристика трех выделенных автором разновидностей общефактического значения, определяются условия, благоприятствующие или препятствующие его реализации.

Исходная мысль рецензируемой книги заключается в том, что традиционный (называемый «признаковым») подход к описанию семантики видов, согласно автору, в настоящее время уже исчерпал себя и современные аспектологи по сути топчутся на месте. «Большинство последних аспектологических работ, — пишет М. Я. Гловинская, — оперирует все тем же набором признаков, причем мера разногласий по поводу того, какой именно признак или набор признаков является определяющими для СВ и НСВ, несколько не уменьшается. В тех редких случаях, когда предлагаются какие-то новые признаки, они оказываются при ближайшем рассмотрении другим названием для старых» (с. 3).

В качестве иного, связанного с «новыми перспективами» образца описания семантики видов, предлагается описание, опирающееся на принципы, выработанные одним из направлений современной семантики — лексической семантикой. Главный принцип этого направления состоит в том, «что все языковые значения могут и должны описываться с помощью единого метаязыка, похожего на язык лексикографических толкований» (с. 4). При этом М. Я. Гловинская стремится «в полной мере учесть и результаты предшествующего изучения видов» (там же).

При внимательном рассмотрении выдвигаемый в книге М. Я. Гловинской «смысловой» подход, противопоставляемый, как уже сказано, традиционному, «признаковому», оказывается попыткой утвердить принципы индуктивного исследования в изучении и описании аспектологического материала. Сторонники таких принципов, как известно, настаивают на получении общего теоретического знания из единичного, эмпирического. По мнению М. Я. Гловинской, в аспектологии принципиально неверно и невозможно исходить «из априорного представления о том, что каждый вид обладает семантическим инвариантом» (целостностью, предельно-

стью, законченностью и т. п.). «Необходимо, — пишет, утверждая свои позиции автор, — сопоставить между собой видовые значения многих (в идеале — всех) глаголов каждого вида. Если у этих видовых значений окажется совпадающая часть, то она представит собой семантический коррелят — инвариант данного грамматического значения вида. Возможно, что единого инварианта не окажется, а будет несколько инвариантов, каждый из которых будет соответствовать значительной группе глаголов» (с. 37—38). И далее: «Выделение смысловых компонентов, соответствующих виду, возможно только на основе толкования глагола» (с. 38). При этом «значение должно быть в итоге выражено так, чтобы различие между членами видовой пары сводилось не к глаголам СВ и НСВ (хотя бы и более простым, чем толкуемые), но к каким-то другим элементам» (там же).

Однако, как известно, «без дедукции индукция несостоятельна» [1]. Назначение индуктивного пути исследования — отыскать объективные критерии подтверждения общих положений, в глобальном, теоретическом плане этот путь непродуктивен и малоперспективен. В применении к языку, писал К. С. Аксаков, «полное исчисление случаев невозможно», «сбивает», ибо это все случаи, «не только скрывающие общий закон, но часто противоречащие друг другу, как скоро не понять этот общий закон, в котором находят они свое единство и объяснение» [2]. Прецедент такого рода следствий преувеличения возможностей индуктивного подхода в какой-то мере представляет и рецензируемая книга: здесь немало интересных частных замечаний и наблюдений, но сравнительно мало так называемых «концептуальных» идей, встречаются положения, характеризующие явление только с какой-то одной стороны, причем подход автора при этом одновременно является и критерием оценки взглядов его предшественников. Последним снимается возможность установления связи между различными подходами, хотя такое сближение в ряде случаев было бы столь же полезно, логично и необходимо, сколь методологически важно, полезно и необходимо реализовать в конкретном описании связь между индукцией и дедукцией (см. ниже).

Поиски новых путей аспектологического описания М. Я. Гловинская пытается обосновать, указывая на недостаточные объяснительные возможности выработанных до сих пор теорий. За исключением работ, основанных на индуктивном подходе (Вежбицка, Богуславский и др.), при изложении теоретических идей предшественников в рецензируемой книге преобладает деструктивное начало. Эта черта анализа и оценки распространяется также на те случаи, когда предшественники М. Я. Гловинской, стремясь преодолеть или приблизить абстрактный признаковый подход к реальным фактам языка, обращались к наблюдениям над контекстным употреблением видовых форм.

Автор рецензируемой книги, в частности, не принимает пути установления или уточнения семантики видов посредством анализа особенностей их сочетаемости: «...исчерпывающее описание сочетаемостных условий реализации видов эффективно различит именно их сочетаемость, но не семантику видов» (с. 24—25). Показательно, что раздел «Значение вида и значение контекста» (с. 67—70) в сущности почти целиком посвящен ошибкам других авторов — разбору случаев, когда исследователи, по мнению М. Я. Гловинской, смешали значение вида и контекста. Хотя автору действительно удается отметить ряд очевидных оплошностей, допущенных его предшественниками, на наш взгляд, нельзя согласиться с ним в неприятии сочетаемости в качестве приема уточнения или определения семантики глагольного слова. Согласно М. Я. Гловинской, различие фраз *Простите, что я давно не писал* и *Простите, что я давно не написал* связано не с видом, а с тем, что слово *давно* здесь употреблено «в двух разных значениях»: первое эксплицируется словом *долго*, второе — словом *раньше* (с. 67—68). Однако возникает вопрос: почему все-таки слово *давно* употреблено здесь в разных значениях? Возможно ли, чтобы в пределах фразы (предложения) взаимодействие осуществлялось только на уровне формы? Утвердительный ответ на последний вопрос нельзя было бы не признать ошибочным; безусловно, согласование в речевой цепи (шире — синтагматике) осуществляется и на уровне формы и на уровне смысла, и именно из этого, по-видимому, исходят лингвисты, пытающиеся посредством анализа сочетаемости более полно описать семантику видов. Что же касается конкретных особенностей сочетаемости слов типа *давно*, *вдруг* и т. п. с глагольными формами, то здесь важно учитывать, что такие слова обычно не только синтаксически, но и семантически подчинены глаголу, хотя вполне возможно и обратное — подчинение глагола смыслу определителей (как в случае суммарного значения СВ).

Хотя сочетаемость как прием обнаружения и уточнения семантических признаков глагольных форм М. Я. Гловинской, как мы видели, отрицается, этот прием нередко используется автором в его же рассуждениях. В подтверждение этого процитируем одно место из рецензируемой книги: «Если НСВ глагола подставляется хотя бы в один из этих контекстов [„Смотри, вот он...“; „Он как раз...“ и др. — Л. Н.], он имеет актуально-длительное или процессное значение; если же он не подставляется ни в один контекст, он не имеет этого значения» (с. 44; см. также с. 32, 34, 45, 53, 137 и др.).

В ключевом для книги вопросе — вопросе о критериях видовой парности глаголов — М. Я. Гловинская неожиданно для читателя занимает позиции, значительно «мягче» позиций своих предшественников, которые вопрос о не только формальных, но и логически-смысловых принципах объединения гла-

голов в соотносительные видовые пары считают одним из главных (работы Э. Кошмидера, М. А. Теленковой, М. И. Морозовой, М. А. Шапиро, Л. С. Новиковой и др.). «Поскольку, — замечает автор, — вопрос о том, какие пары глаголов можно признать чисто видовыми, а какие — нет, является дискуссионным, мы ориентировались на общепризнанные видовые пары, т. е. в основном на пары, в которых морфологически производным является глагол НСВ (суффиксальная имперфективация), либо на пары, образованные чередованием гласных. Из числа пар, образованных приставочной перфективацией, учитывались лишь те, смысловое соотношение внутри которых совпадало со смысловым соотношением, обнаруженным на классических парах» (с. 46).

Хотя с точки зрения стремления к объективному познанию семантики видовых различий такой подход не может считаться безупречным, как мы увидим в дальнейшем, он оказывается полезным при попытке определить некоторые особенности структурной организации вида и пути ее истолкования.

В рецензируемой работе отрицается также еще одна из существенных особенностей традиционного подхода — использование понятия маркированности — немаркированности при характеристике смыслового соотношения СВ и НСВ. Согласно автору книги, в оппозициях типа *музыкант* — *музыкантша*, *учитель* — *учительница* (немаркированный — маркированный член) понятие маркированности — немаркированности может быть применено, поскольку в этих примерах «члены оппозиции имеют общую смысловую часть...», «значение лица, деятеля». Что же касается оппозиций по виду, то, замечает М. Я. Гловинская, «непонятно, какая общая смысловая часть может выделяться у ...грамм СВ и НСВ...»; «...понятия маркированности — немаркированности не могут быть применены в данном случае, — считает автор, — из-за отсутствия основы сравнения — общей смысловой части сравниваемых грамм» (с. 19).

Трудно поверить в ветенденциозность подобного заявления, если вспомнить даваемые обычно в литературе определения сущности вида: «вид — категория, выражающая отношение действия к его пределу»; «вид показывает, как распределяется действие во времени»; «видами называются глагольные формы, изображающие действия (состояния) с их качественной стороны» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский) и пр. Общей смысловой частью видовых оппозиций, как следует из таких определений, является значение действия, которое не шире и не уже отменного выше значения деятеля. Кроме того, как известно, принцип определения категориальных значений в парадигме требует общности для членов оппозиции других категориальных признаков; для характеристики вида таковой является в первую очередь общность временного значения. Судя по всему, однако, выдвигая вполне справедливое требование — до-

исследования видовых форм в тексте «располагать парадигматическим описанием каждой видовой формы» (с. 45), М. Я. Гловинская исходит из других представлений о парадигматическом описании, поскольку для этой цели избирает «для форм НСВ... настоящее время как наименее влияющее на вид, а для форм СВ — прошедшее время» (с. 43, ср. с. 45).

Можно сказать и другое: автор, по-видимому, не очень хорошо владеет методикой оппозиционного анализа, не ориентируется в том, в соответствии с какими закономерностями признаки выявляют себя и/или объединяются в грамматической форме, поэтому не отличает — даже там, где это бросается в глаза, — видовые оппозиции от оппозиций, основанных на других признаках. Последнее само по себе уменьшает доверие к его критическим замечаниям по поводу традиционного подхода, каковых довольно немало в книге, и прежде всего, конечно, к утверждению о том, что традиционный признаковый подход «себя исчерпал». Так, при характеристике четвертого «стандартного типа видового противопоставления» (III гл.) приводятся контексты, где глаголы различаются не аспектуальным, а темпоральным признаком: *Поведение аспиранта возмущает/возмутило его научного руководителя; Твой поступок огорчает/огорчил меня; Недоверие матери оскорбляет/оскорбило сына* и т. п. «Общей частью» у членов этих оппозиций, как нетрудно заметить, выступает значение результативности, вследствие чего в таких парных контекстах особенно четко проведено различие временных значений (настоящее — прошедшее). Для автора рецензируемой книги значение СВ в таких случаях остается «неясным», поскольку в примерах, подобных цитированным, как сказано, «глагол СВ обозначает начало состояния, о котором нельзя с полной определенностью сказать, что оно сохраняется до момента речи» (с. 92). Отметим, что переход к образованию чисто видовых соотношений в подобных случаях регламентируется той же закономерностью: необходимо сделать «общей частью» сходство временных значений, что окажется возможным только при различии в формах видовых значений. Отсюда следует, что коррелятом, например, формы *понял*, представляющей результат, существующий (сохраняющийся) в настоящем, будет форма *не пойму*, т. е. форма с отрицанием, толкуемая с помощью перифразы «стараюсь понять, делаю так, чтобы понять» (процессуальная направленность к результату).

При анализе традиционных подходов к виду, основанных, как известно, преимущественно на характеристике действия по отношению к его завершечию (ср. такие признаки, как законченность, предельность и др.), М. Я. Гловинская справедливо замечает, что по отношению к определенным типам глаголов (например, начинательным: *запеть, заспеться*) подобные понятия (законченность, предельность) теряют смысл. Логично, однако, было бы предположить

в этом случае наличие в пределах вида и другого классификационного принципа: характеристики действия-состояния относительно его начала (возникновения). Типологически признак начала отражает факт изменения, сдвига в распределении состояний; начало предполагает состояние, состояние же — результат, или продукт, начала. Оговорив это, далее можно было бы попытаться отыскать аналог предполагаемого типа соотношения среди «стандартных видовых противопоставлений». У М. Я. Гловинской, однако, нет этого, на наш взгляд, достаточно очевидного конструктивного вывода к критике, а в описательной III главе соответствующий ему тип дается уже как готовый — «стандартный» — тип видового противопоставления («быть в состоянии» — «начать быть в состоянии»; с. 91 и сл.), хотя с точки зрения обычных (по большей части критикуемых в работе) теоретических воззрений указанный тип весьма сомнительно признавать «стандартным».

Вопрос о семантике различных типов видового противопоставления в книге разработан наиболее полно (III гл.). Для вычленения грамматических элементов из семантических описаний видовых пар используются толкования, в более или менее единообразной форме раскрывающие объемы смыслов соотносительных глаголов. Однако и при оценке основных теоретических воззрений на вид, и в конкретном «лексикографическом», описании материала автором не учтен момент связанности в семантике глагольной формы видового признака с выражением характера отношения субъекта к действию. Последнее, как отмечается в литературе, влияет на формирование и особенности формального образования видовых пар, а также на функциональное соотношение аспектуально-темпоральных признаков в глагольной форме.

В книге М. Я. Гловинской субъектные признаки как фактор описания используются явно недостаточно. Автор не идет далее уже в какой-то мере установившейся практики лексико-семантического описания. Между тем, если с указанной точки зрения посмотреть на подход А. Вежбицкой [3], которому в книге уделяется немало внимания (в связи с тем, что он отвечает внутренним устремлениям автора), то этот подход не будет таким исчерпывающим и полным, как это выйдет в оценке М. Я. Гловинской. Истолкование глагольных значений А. Вежбицкой (как и затем М. Я. Гловинской) осуществляется исключительно с позиции наблюдателя, поэтому исходным элементом описания, соответствующим инварианту СВ, считается элемент «начало»: *Он уснул* = «Он начал спать» (с. 30). Та же фраза и глагольная форма в ней, однако, может быть истолкована и с позиции деятеля: *Он уснул* = «Он кончил засыпать». Последнее толкование соответствует традиционному взгляду на семантику глагольных форм СВ. Уже этот факт позволяет предположить, что подход А. Вежбицкой и следующей за ней М. Я. Гловинской

столь же односторонен, как и отвергаемые в начале книги концепции, исходящие из позиции деятеля (а не наблюдателя, как А. Вежбицка и М. Я. Гловинская).

Конкретное описание материала М. Я. Гловинская строит, исходя примерно из тех же позиций и принципов, что и А. Вежбицка. В толкованиях как форм инфинитива, так и личных форм абсолютно преобладают элементы «начать» — «начинать»: «Наступила (настала) трудная пора = „начала иметь место трудная пора“» (с. 77); «Заквашиваться = „начать быть кислым“ — *закваситься* = „начать быть кислым“» (с. 78); «Взодить = „идя, начинать находиться внутри чего-либо“ — *войти* = „идя, начать находиться внутри чего-либо“» (с. 80); «Выходить = „идя, начинать находиться вне чего-либо“ — *выйти* = идя, начать находиться вне чего-либо“» (там же). Отметим, что в последних двух толкованиях глаголов СВ, как и во всех им подобных других, дееспричастие излишне: форма СВ не содержит указаний относительно того, продолжает ли субъект двигаться дальше. Представление о нем (субъекте) как деятеле, связанное с формой НСВ, в форме СВ трансформируется в неопределенное субъектное представление. Таким образом, толкования, призванные служить средством получения неаприорных суждений о семантике видовых форм, на деле оказываются отнюдь не лишенными недостатков.

Метаязык, используемый автором рецензируемой книги, не всегда точен и в других отношениях. Так, толкование выражения *X возглавил Y* с помощью перифразы «*X начал возглавлять Y (быть главой Y-а)...*» и — далее — выделение в качестве общего лексического элемента видовой пары *возглавлять Y — возглавить значения «быть главой»* (с. 49) представляется не совсем корректным. На наш взгляд, в случае толкования *возглавить* как «начать быть главой» характеризуется не само действие («руководить»), а только позиция субъекта относительно действия, т. е. не собственное, а «пресуппозиционное» (приписываемое вторично) значение. Подобная операция возможна далеко не всегда, поэтому, например, *воспылать* нельзя семантически трансформировать в «начать быть пламенем», как и *пылать* — в «быть пламенем». С другой стороны, предложенное М. Я. Гловинской толкование неприменимо во фразе *X на какое-то время возглавил Y*: нельзя интерпретировать ее смысл как «*X на какое-то время начал быть главой Y*».

Добавим, что, помимо указанного, факт изменения (преобразования) субъектных признаков (оттенков) при переходе от одной видовой формы к другой важно учитывать и при толковании семантики глаголов в таких случаях, как *Тучи застилают/застлали небо* (с. 95); *Волосы выбиваются/выбились из-под шапки* (там же); *Я послал/послал сына в магазин* (с. 118); *Кто читал/прочел «Капитанскую дочку»* (с. 121) и др. Спецификой субъектного значения (характером отношения субъекта к дей-

ствию) определяется своеобразие видовой семантики в глаголах *ослабеть, затупиться, пожелтеть, сузиться* и т. п. (ср. с. 9).

В конце III главы книги, после рассмотрения «стандартных» и «нестандартных» типов видового противопоставления, М. Я. Гловинская излагает вывод, отвечающий, как следует из содержания всей книги, идеалу неаприорного «семантического» описания видовых инвариантов. Отмечается, что инвариантом СВ является «особый элемент „начать“, что, таким образом, является всего лишь, как признает и автор (с. 107), подтверждением суждений на этот счет А. Вежбицкой. «В толкованиях НСВ, — отмечает М. Я. Гловинская, — выделяется общая часть „существует в каждый из ряда последовательных моментов“» (там же). Этот признак в свою очередь сравнительно легко идентифицируется как соответствующий позиции наблюдателя.

Видовая концепция Вежбицкой — Гловинской, таким образом, на наш взгляд, не оправдывает претензий на новизну и оригинальность и представляет собой в сущности лишь своеобразную субъектную «перелицовку» теорий, отвергнутых в начале рецензируемой книги. В качестве классификационного принципа в рамках этой концепции берется отношение не к концу (позиция деятеля), а к началу действия-состояния (позиция наблюдателя), что принципиально не изменяет традиционного подхода, а представляет только одну из его еще недостаточно мотивированных модификаций.

IV — заключительная — глава и по достигнутым результатам, и по манере изложения существенным образом отличается в лучшую сторону от предшествующих трех. Характеристика выделенных здесь разновидностей общефактического значения, а затем и описание условий, способствующих или препятствующих их реализации, насыщены множеством интересных замечаний, наблюдений и предложений. Представляется, в частности, верным замечание, касающееся того, что значение двунаправленности действия (*Я открывал окно*) нецелесообразно отделять от общефактического значения, а также толкование фразы *Я видел ущелье, в котором геологи с сентября по ноябрь искали алмазы* в качестве производной от фразы с глаголом в общефактическом, а не «актуально-длительном» значении. На наш взгляд, предлагаемый для характеристики таких примеров термин «процессно-фактическое значение» (с. 127) имеет все права на существование и вполне может быть введен в научный обиход аспектологов.

Семантической основой общефактического значения М. Я. Гловинской признается «идея дискретности действия (т. е. действия с указанным началом или концом)» (с. 134). Не возражая против подобного подхода, позволив себе добавить, что в общефактическом значении важен не только момент прекращения действия (у М. Я. Гловинской — дискретность), но и ретроспективная его оценка (интерпретация).

Все разделы этой главы одинаково равноценны. Автор, разумеется, исчерпывает далеко не все объяснительные возможности в изложении тех или иных вопросов, однако то, что ему удастся в этой главе, заслуживает всяческого внимания аспектологов.

Главное достоинство рецензируемой книги заключается в том, что она не оставляет читателя равнодушным. Монография М. Я. Гловинской не только и не столько будит мысль, сколько побуждает читателя к полемике: острая постановка вопросов, принятые исходные установки, а также (по ходу изложения) отдельные нововведения в теорию и практику аспектологического описания —

все это вызывает интерес вне зависимости от того, принимает или не принимает читающий суждения автора.

Луценко Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондаков Н. И.* Введение в логику. М., 1967, с. 119.
2. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики. Ч. I. М., 1860, с. 82.
3. *Wierzbicka A.* On the semantics of the verbal aspect in Polish.— In: To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague — Paris, 1967.